

Вырезка из газеты

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

от
31 ДЕК 1953

Москва

Газета №

ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ

С в е т л ы й о б р а з

После многолетнего перерыва на московскую сцену вновь вернулась «Гроза» — лучшая из драм Островского. Спектакль театра Драмы вызывает большой интерес у зрителей. Новая постановка привлекает своеобразным режиссерским решением. Постановщики спектакля Н. Охлопков и А. Башкин использовали много неожиданных и в то же время оправданных приемов для воплощения «Грозы» на сцене.

Режиссерские приемы не стали самоцелью, не заслонили актеров. Наоборот, самобытная мысль, смелое воплощение замысла позволили некоторым артистам создать глубокие образы. Особенно большой успех выпал на долю исполнительницы роли Катерины — молодой артистки Е. Козыревой.

Добролюбов писал, что, несмотря на гибель героини, «Гроза» производит «освежающее, ободряющее» впечатление, что от характера героини «веет на нас новой жизнью». «Новой жизнью», чуждой «темному царству» Диких и Кабаних, веет и от Катерины — Козыревой.

Чистой и благородной, не умеющей идти ни на какие сделки с совестью, предстала перед зрителями Катерина в спектакле театра Драмы. У героини Козыревой — нежное, одухотворенное лицо, на котором, словно в открытой книге, можно прочесть все, что происходит в ее сердце. Артистка прекрасно пользуется богатыми мимическими средствами, чтобы передать чувства Катерины, раскрыть все, что совершается в ее душе.

Уже в первых словах, произнесенных громко, но твердо, ощущается огромное чувство собственного достоинства, присутствующее героине Козыревой. В ее ответе на попреки свекрови нет горячности. Она держится просто и спокойно, и все-таки есть в ней какая-то скованность, словно она нарочно притушила огонь в глазах, зажала сердце в кулак, притаилась, поникла.

Как преобразается Катерина, когда уходят ненавистная свекровь и постылый муж! Голос звенит, лицо озаряется улыбкой, широкой и ясной, да и вся она словно светится. Легко и стремительно взбегает Катерина по краю откоса: «Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?». В это мгновение она, словно птица, которая расправила крылья и вот-вот улетит. В исполнении Козыревой это больше, чем случайный ребяческий порыв, тут сказывается натура Катерины. Вот она какая — вольная и светлая!

Козырева показала в Катерине сильную, свободную личность, враждебную всякому угнетению, неправде, пошлости.

...Вот уезжающий Тихон по требованию матери «приказывает» жене «как жить». Грубые, обидные слова падают, как камни, готовые придавить ее к земле. Но героиню Козыревой не так-то легко согнуть. Она строит, не глядя на Тихона, суровая и безмолвная, вся внутренне собравшись, приготовившись к отпору. И чем оскорбительнее слова мужа, тем строже становится ее лицо, тем больше выпрямляется Катерина. В ее строгой позе, в горделивой посадке чуть вскинутой головы — сдерживаемый и все-таки рвущийся наружу протест.

Только в одной сцене — сцене с ключом — актриса изменяет себе, отступая от собственного рисунка роли. Думается, что в этом виновата и режиссура, предложившая артистке неверную мизансцену.

Катерина так напугана представившейся возможностью повидать Бориса (только напугана!), так поспешно бежит из комнаты, чтобы выкинуть ключ (по пьесе она только говорит об этом, но даже не делает попытки осуществить свое намерение), так судорожно и растерянно метается по сцене, что решение пойти к Борису звучит в ее устах, как насильно навязанное ей. Козырева весь монолог ведет

так, словно он закончится отречением от любви, а не возгласом: «Ах, кабы ночь поскорее!». И хотя она вместо одного раза трижды произносит эти слова, они не становятся от этого более убедительными.

Но в следующем действии Козырева вновь находит верный тон. При встрече с Борисом в ее героине опять пробуждается та светлая сила, которой мы любовались вначале. Каким бесконечно счастливым голосом, идущим от самого сердца, произносит Катерина эти слова: «Давно люблю». Она смотрит на Бориса и не может насмотреться, тихонько смеется от радости и словно удивляется, что на свете бывает такое счастье.

Именно потому, что актриса сумела передать этот краткий, но яркий взлет счастья, мы понимаем, что для ее героини невозможно возвращение к томительному, бескрылому существованию в душном доме мужа.

Только теперь, испытав счастье и потеряв надежду на него, Катерина оказывается во власти всех тех страшных призраков «долга» и «греха», которые она прежде гнала прочь. Со все нарастающим драматизмом актриса раскрывает смятенные чувства героини. Режиссеры помогли ей возлечь эту внутреннюю борьбу в выразительной театральной форме. Слово убегая от собственных страхов, с расширенными от ужаса, невидящими глазами, изнемогая, падала и вновь поднимаясь, бежит она по сцене. И вот, совсем обессилив, бросилась в ноги мужу, чтобы страстным покаянием облегчить истерзанную душу. Так покаяние Катерины, которое обычно рассматривают как выражение силы ее характера, в спектакле воспринимается скорее как проявление слабости, как победа бесчеловечной морали «темного царства». Думается, что театр имел все основания для подобного пересмотра. Только при таком решении смерть Катерины вос-

принимается как освобождение героини, как страстный вызов.

Покаяние Катерины — это последняя отчаянная попытка уцепиться за жизнь, открытым признанием вины обрести душевный покой. Но для вольной натуры Катерины такой выход неприемлем, для нее лучше гибель, чем жизнь в неволе.

В последнем действии героиня Козыревой выходит на сцену именно с этим твердо осознанным решением. В ее интонациях ни разу не проскальзывают жалобные нотки, этакое «пожалейте меня». Козырева умело пользуется контрастами, которые придают особое напряжение всей сцене. Вот она замерла, вся поникнув, — ничего ей не надо, только бы ее оставили в покое. А через мгновение при мысли о Борисе в ее душе вспыхивает с прежней силой страстная жажда счастья. Раскачиваясь, как от нестерпимой боли, стонет она протяжно и горестно: «Ах, как мне по нем ску-учно»...

Последнее свидание с Борисом исполнено глубокой поэзии. Еще раз, на краткий миг, залитое слезами, скорбное лицо Катерины озаряется светом надежды: «Возьми меня с собой отсюда», и снова гаснет при слове «нельзя».

Легко и стремительно, как в то утро, когда она собиралась «улететь», взбегает Катерина по краю откоса и исчезает, будто растаяв, растворившись в вольном просторе...

Новая постановка «Грозы» своим успехом в значительной мере обязана Е. Козыревой. В свою очередь, творческая победа молодой артистки — лучший аргумент в защиту смелости и оригинальности этой постановки.

М. АРЕНСКАЯ.